

*Библиотека
журнала
«Вопросы образования»*

It's Complicated

*the Social Lives
of Networked Teens*

danah boyd

Все сложно

Жизнь подростков в социальных сетях

дэна бойд

Перевод с английского

ЮРИЯ КАПТУРЕВСКОГО

под редакцией

АНТОНА РЯБОВА



*Издательский дом
Высшей школы экономики*
МОСКВА, 2020

УДК 316.62
ББК 88.50
Б77

Редакционный совет серии

ЯРОСЛАВ КУЗЬМИНОВ, ИСАК ФРУМИН,
АЛЕКСАНДР ПАВЛОВ, ЕЛЕНА ПЕНСКАЯ,
МАРИЯ ЮДКЕВИЧ, СЕРГЕЙ ФИЛОНОВИЧ,
ЛЕВ ЛЮБИМОВ, АЛЕКСАНДР СИДОРКИН,
ДАНИИЛ АЛЕКСАНДРОВ, ВИКТОР БОЛОТОВ

Дизайн серии

ВАЛЕРИЙ КОРШУНОВ

Научный редактор перевода

АНТОН РЯБОВ

Перевод книги: *danah boyd. It's Complicated. The Social Lives of Networked Teens*

Опубликовано Издательским домом Высшей школы экономики
<<http://id.hse.ru>>

doi:10.17323/978-5-7598-1964-6

ISBN 978-5-7598-1964-6 (в обл.)
ISBN 978-5-7598-2200-4 (e-book)
ISBN 9780300166316 (англ.)

Copyright © 2014 by danah boyd
All rights reserved.
© Перевод
на русский язык.
Издательский дом
Высшей школы
экономики, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие к русскому изданию (С. Доука)	9
Предисловие	11
Слова признательности	15
ВВЕДЕНИЕ	20
ЧТО ТАКОЕ СОЦИАЛЬНЫЕ МЕДИА?	26
ЗНАЧЕНИЕ СЕТЕВЫХ ПАБЛИКОВ	30
НОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ, СТАРЫЕ НАДЕЖДЫ И СТРАХИ	40
ДЕТИ ОСТАНУТСЯ ДЕТЬМИ	43
МЕСТО, ГДЕ МОЖНО СОБРАТЬСЯ С СИЛАМИ	48
КАК ЧИТАТЬ ЭТУ КНИГУ	55
1. ИДЕНТИЧНОСТЬ	
Почему подростки в интернете выглядят такими странными?	60
ВНЕ КОНТЕКСТА	62
ИДЕНТИЧНОСТЬ В СЕТЕВЫХ ПАБЛИКАХ	70
ТОНКАЯ РАБОТА НАД ПРОФИЛЕМ, СОЗДАНИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ И ЕЕ ПУБЛИЧНАЯ ДЕМОНСТРАЦИЯ	80
УПРАВЛЕНИЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯМИ В СЕТЕВОМ ОКРУЖЕНИИ	86
2. ПРИВАТНОСТЬ	
Почему молодежь выставляет себя на всеобщее обозрение?	94
НАВИГАЦИЯ В УСЛОВИЯХ КОНФЛИКТУЮЩИХ НОРМ	98
ДОСТИЧЬ ПРИВАТНОСТИ, КОНТРОЛИРУЯ СОЦИАЛЬНУЮ СИТУАЦИЮ	101
ПУБЛИЧНОСТЬ ПО УМОЛЧАНИЮ, А ЗА ПРИВАТНОСТЬ НАДО ПОБОРОТЬСЯ	104
СОЦИАЛЬНАЯ СТЕГАНОГРАФИЯ	109
ЖИЗНЬ ПОД НАБЛЮДЕНИЕМ	115
ПРИВАТНОСТЬ КАК ПРОЦЕСС	121

3. ЗАВИСИМОСТЬ

Почему подростки одержимы
социальными сетями? 125

НАРРАТИВ ЗАВИСИМОСТИ 130

ВЗРОСЛЕНИЕ В УСЛОВИЯХ
ОГРАНИЧЕННОЙ СВОБОДЫ 136

ВОССТАНОВЛЕНИЕ ОБЩЕНИЯ 144

ФОРМИРОВАНИЕ ЛИЧНОСТИ
В ОТСУТСТВИЕ АГЕНТНОСТИ 149

ПРЕОДОЛЕНИЕ ОГРАНИЧЕНИЙ 152

4. ОПАСНОСТИ

Сексуальные хищники за каждым углом? 157

НА ЧЕМ ОСНОВАНЫ НАШИ СТРАХИ 160

ВСТРАИВАНИЕ СТРАХА
В ПОВСЕДНЕВНУЮ ЖИЗНЬ 168

МИФ О СЕКСУАЛЬНОМ ХИЩНИКЕ
В ИНТЕРНЕТЕ 172

ОПАСНЫЕ СЕКСУАЛЬНЫЕ КОНТАКТЫ 179

ХУДШИЙ НОЧНОЙ КОШМАР РОДИТЕЛЕЙ 184

ОБВИНЯЮТСЯ ТЕХНОЛОГИИ 187

ГЛАЗА, УСТРЕМЛЕННЫЕ
НА «ЦИФРОВУЮ УЛИЦУ» 191

5. ТРАВЛЯ

Действительно ли социальные медиа
потворствуют жестокости и подлости? 197

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ТРАВЛИ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ 201
ЧЬЯ ВИНА? 206

ДРАМА В ПОДРОСТКОВОМ ВОЗРАСТЕ 209

В ПОИСКАХ СОЦИАЛЬНОГО СТАТУСА 216

ВОСПРОИЗВОДСТВО МОДЕЛЕЙ
ЖИЗНИ ЗНАМЕНИТОСТЕЙ
В ПОВСЕДНЕВНОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ 224

КАК РЕАГИРОВАТЬ НА ПРОЯВЛЕНИЯ
ПОДЛОСТИ И ЖЕСТОКОСТИ 230

6. НЕРАВЕНСТВО

Способны ли социальные медиа
избавить нас от социальных различий? 232

РОЛЬ ПРЕДУБЕЖДЕНИЙ
В СОЗДАНИИ ТЕХНОЛОГИЙ 236

РАСИЗМ В СЕТЕВУЮ ЭПОХУ 242
СЕГРЕГАЦИЯ В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ 246
MYSRACE ПРОТИВ FACEBOOK 251
СЕТИ ИМЕЮТ ЗНАЧЕНИЕ 258

7. ГРАМОТНОСТЬ

Молодежь — это аборигены цифровых джунглей? 264
ПОЯВЛЕНИЕ ЦИФРОВЫХ АБОРИГЕНОВ 266
МОЛОДЕЖЬ НУЖДАЕТСЯ В НОВОЙ
ГРАМОТНОСТИ 270
ПОЛИТИКА АЛГОРИТМОВ 275
«ВИКИПЕДИЯ» КАК САЙТ, НА КОТОРОМ
ПРОДУЦИРУЮТСЯ ЗНАНИЯ 280
ЦИФРОВОЕ НЕРАВЕНСТВО 287
НЕ ТОЛЬКО О ЦИФРОВЫХ АБОРИГЕНАХ 293

8. ПОИСК СОБСТВЕННОГО

ПУБЛИЧНОГО КРУГА ОБЩЕНИЯ 298
СОЗДАНИЕ СЕТЕВЫХ ПАБЛИКОВ 300
БЫТЬ ПУБЛИЧНЫМ И НАХОДИТЬСЯ
В ПУБЛИЧНОМ КРУГЕ ОБЩЕНИЯ 303
КОГДА СЕТЕВЫЕ ПАБЛИКИ СТАНОВЯТСЯ
ПОЛИТИЧЕСКИМИ 308
ЖИЗНЬ В СЕТЕВУЮ ЭПОХУ
И ЖИЗНЬ В СЕТЕВЫХ ПАБЛИКАХ 315

Приложение. Демографические сведения 319

Библиография 326

*Посвящается Питеру Лаймену (1940–2007).
Он рискнул и выбрал меня, а затем помог
нащупать твердую почву под ногами.*

Предисловие к русскому изданию

Современные подростки и технологии — тема, которая не оставляет равнодушным никого. Сегодня она занимает умы не только исследователей, но и экспертов в области образования, представителей власти, религиозных деятелей и, безусловно, родителей. Высокий интерес влечет за собой появление самых разнообразных, порой полярных, точек зрения. Выступают как за жесткий контроль над подростками, аргументируя свою позицию защитой здоровья и благополучия подрастающего поколения, так и за свободу использования молодыми людьми любых каналов коммуникации, утверждая, что лишь на основе взаимного доверия возможно сформировать по-настоящему уважительные и искренние отношения. Но в то время как специалисты в области образования, управления и информационных технологий спорят о том, можно или нельзя детям иметь свой аккаунт в сети Facebook, писать заведомо недостоверную информацию, какими должны быть настройки приватности и имеют ли право родители на доступ к переписке своего ребенка, никто не спрашивает мнения самих подростков.

дэна бойд спросила. В основе книги «Все сложно. Жизнь подростков в социальных сетях» лежит фундаментальная эмпирическая база из сотен интервью с подростками, которые были проведены исследовательницей за последние 10 лет. Она написала не просто книгу про подрастающее поколение, маневрирующее между онлайн- и офлайн-реальностью, она написала манифест подростков про роль технологий в их жизни. Ключевым лейтмотивом книги дэны бойд является конфликт отцов и детей в контексте технологической революции. Подростки и молодые люди до 20 лет, уже привычно обозначаемые как «аборигены цифровой цивилизации», воспринимают виртуальную среду как единственное пространство, в котором им доступны самовыражение и общение. Однако их родителей, взрослых совсем иначе, цифровые технологии и принципиально иные возможности коммуникации, не столько интригуют, сколько приводят в ужас. дэна бойд показывает, что почти всегда ограничение ро-

дителями виртуальной свободы детей не идет на пользу ни первым, ни вторым. А выстраивание доверительных отношений возможно только при условии уважения к детям и их частной жизни, в том числе и в интернет-среде.

Помимо конфликта отцов и детей, Дэна Бойд пишет и о многом другом: травле в социальных сетях, сложностях подростков и непонимании алгоритмов сетевых платформ, возможности контроля своей жизни в современном пронизанном цифровыми технологиями мире. Книга «Все сложно» написана в 2014 г., и за эти годы произошло немало новых технологических изменений, которые влияют уже не только на сферу социальных взаимодействий, но и абсолютно на все практики человеческой жизни. Искусственный интеллект научился достаточно точно предсказывать поведение людей, камеры безошибочно идентифицируют личность человека, беспилотные автомобили стали реальностью, наличные деньги фактически отошли в прошлое, ученые смогли отредактировать человеческий геном. Цифровизация приводит к драматическим изменениям на рынке труда. Все началось с революции в сфере коммуникаций, но очевидно, что тектонические сдвиги будут происходить во всех направлениях, и важно встретить их без конфликтов между родителями и детьми. И без того будет непросто. От технологий нельзя отказаться, нужно вместе учиться с ними жить.

*София Докука,
к.с.н., научный сотрудник Лаборатории методов науки
о данных в исследованиях образования
Института образования НИУ ВШЭ*

Предисловие

Летом 2006 г. я приехала в северную Калифорнию, чтобы расспросить подростков о том, как они пользуются социальными медиа (средствами коммуникации). Здесь я встретила Майка (15 лет, белый)¹, которому очень нравится видеохостинг YouTube. Он увлеченно описывал очень популярный в то время видеоролик «Экстремальные эксперименты с диетической “Кока-Колой” и “Ментосом”». Пользователи толпами валили на YouTube, чтобы собственными глазами увидеть огромные бурлящие фонтаны, возникавшие, когда в бутылку с газировкой бросали мятные драже. Многие подростки, включая Майка, затем повторяли эти эксперименты. Восторженный юноша показал мне домашние видео, на которых он с друзьями экспериментировал с разными продуктами питания. Впоследствии эти короткие ролики выкладывались на YouTube. Мы вместе посмотрели некоторые из них. Как объяснил Майк, у него была возможность использовать школьную видеокамеру для выполнения учебных заданий, групповых проектов и т.п. Учителя поощряли видеосъемку и использование иных медиа в групповых проектах — это показывало, как ученики усвоили новые знания. Майк и его друзья брали школьную видеокамеру в пятницу. Сначала они делали видеозаписи, необходимые для выполнения домашних заданий, а на выходных снимали собственные развлекательные ролики. Видео Майка не отличались особенно высоким качеством, а на YouTube их основную аудиторию составляли его друзья. Тем не менее всякий раз, когда количество зрителей возрастало (даже если увеличение числа просмотров происходило за счет «принуждения» к ним знакомых), Майк с товарищами были взбудоражены.

¹ Большинство имен в этой книге — псевдонимы. Некоторые из них предложили сами подростки, другие взяты мной в качестве культурных и временных идентификаторов на сайтах, позволяющих выбрать имена детей с учетом года рождения и этнической принадлежности. Когда я цитирую публичные материалы, включая посты в блогах и интервью в средствах массовой информации, то сохраняю имена, которыми называют себя сами подростки. Используемые в интернете имена не обязательно совпадают с настоящими, но проверять их я не пыталась.

Обсуждая выложенные в интернете ролики, мы с Майком много смеялись. Внезапно юноша сделал паузу и серьезно взглянул мне в лицо. «Не могли бы вы сделать мне одолжение? — спросил он. — Поговорите, пожалуйста, с моей мамой. Скажите ей, что в интернете нет ничего плохого». Я помедлила с ответом, и Майк продолжил: «Понимаете, она думает, что интернет — что-то вроде помойки, а вы знаете, что это не так, и вы ведь взрослая. Вы не поговорите с ней?» Я улыбнулась и ответила, что выполню его просьбу.

Об этом, собственно, и рассказывается в книге. В ней я попыталась описать сетевую жизнь молодых людей и объяснить ее особенности людям, которые беспокоятся о подростках, — родителям, учителям, политикам, журналистам, а отчасти и самим юношам и девушкам. В основу книги легли результаты моих восьмилетних исследований различных аспектов действий подростков в социальных медиа и использования ими других сетевых технологий.

Чтобы познакомиться с практиками подростков, в 2005–2012 гг. я вдоль и поперек исколесила Америку. В 18 штатах я наблюдала за подростками, принадлежавшими к самым разным социально-экономическим и этническим общностям, и разговаривала с этими молодыми людьми. Долгими вечерами я анализировала «следы», которые юноши и девушки оставляли в социальных сетях, блогах и других социальных медиа. Я болталась в молодежных компаниях и в обычных местах, таких как школы, парки, торговые центры, церкви, кафе и рестораны быстрого обслуживания.

Чтобы глубже погрузиться в отдельные вопросы, за 2007–2010 гг. я провела 166 формальных полуструктурированных интервью с молодыми людьми². Кроме того,

² В 2010–2011 гг. в полевых исследованиях и интервью, посвященных преимущественно вопросам приватности и травли в интернете, активное участие принимала Алиса Марвик. Я отдельно отмечаю интервью, взятые Алисой, и в приложении, и в основном тексте книги. Те, кто хотел бы узнать больше о подростках, чьи интервью использовались при написании книги, а также о методологическом подходе, могут получить соответствующую информацию на сайте: <<http://www.danah.org>>.

я беседовала с родителями, учителями, библиотекарями, должностными лицами, ответственными за работу с подростками, и другими людьми, поддерживающими непосредственные контакты с ними. Я стала настоящим экспертом по молодежной культуре. Помимо прочего, благодаря моему техническому образованию и опыту сотрудничества и работы в технологических компаниях, создающих различные инструменты социальных медиа, я получила из первых рук знания о том, как проектируются социальные медиа, как они внедряются и представляются публике. Эти специальные знания позволили мне вступать в разнообразные дискуссии о том, какая политика проводится в отношении молодежи, участвовать в деятельности комиссий, посвященных молодежным практикам, и оказывать влияние на общественную дискуссию о сетевой социальности.

Познакомившись с пристрастиями и разочарованиями подростков, а также пообщавшись с более широкой аудиторией, я поняла, что в общественном дискурсе, посвященном их жизни в социальных сетях, голоса юношей и девушек слышны очень плохо. Огромное количество людей высказывают мнения о вовлеченности молодежи в социальные медиа, но очень немногие готовы выслушать подростков, поговорить с ними или уделить внимание проблемам, с которыми они сталкиваются в интернете и реальной жизни. Я написала книгу, чтобы уменьшить этот разрыв. Я хотела, чтобы читатели услышали голоса подростков, которые давали мне интервью, а также тех молодых людей, за которыми я наблюдала или с которыми встречалась в более неформальной обстановке. Чтобы показать контекст или привести дополнительные примеры, я время от времени обращаюсь к историям, публикуемым в средствах массовой информации, или привожу мнение взрослых людей об обсуждаемых проблемах.

В ходе работы над книгой я стремилась отразить опыт и мнения подростков, с которыми познакомилась за это время. Их голоса придали книге форму, а их рассказы сформировали мое понимание роли социальных медиа в жизни молодых людей. Надеюсь, что книге удастся про-

лить свет на сложные и захватывающие воображение практики современной американской молодежи, которая стремится найти себя в сетевом мире.

Хотелось бы верить, что при чтении вы на время забудете о своем отношении к современной молодежи и попытаетесь понять, в чем действительно заключается социальная жизнь сетевых подростков. В общем и целом с детьми все в порядке. Но они хотят, чтобы их понимали. Я попыталась понять их с помощью этой книги.

Слова признательности

Написание монографии — захватывающее дело, однако наивно предполагать, что книга создается одним-единственным человеком. В этой работе мне приходили на помощь самые разные люди, и я всегда буду благодарна им за ценные советы, поддержку и содействие в тщательной отделке текста.

Давным-давно в далеких краях эта книга начиналась как диссертация. В 2003 г., когда я взялась за сбор данных о сайтах социальных сетей, у меня возникли вопросы о том, как их используют молодые люди. В ходе работы мне повезло принять участие во множестве коллективных начинаний, благодаря которым я вышла на собственный путь. Когда Фонд Макартуров поддержал создание того, что впоследствии превратилось в Сообщество цифровых медиа и обучения, я (спасибо судьбе) стала участницей первого масштабного этнографического молодежного проекта. Хотелось бы поблагодарить Фонд Макартуров за щедрое финансирование, а также выразить бесконечную признательность Джону Сили Брауну и Конни Йоуэлл, пристально следившим за моими изысканиями. Для меня было счастьем начать этот проект вместе с единомышленниками, работавшими над аналогичными исследованиями. Команда «Цифровая молодежь» из 28 участников, собранная Мими Ито, Питером Лайменом и Майклом Картером, создала идеальное интеллектуальное пространство для разгадывания головоломок моей диссертации. Я особенно признательна Бекки Герр-Стефенсон, Хизер Хорст, Си Джею Паско и Дэну Перкелю за долгие разговоры и участие в обсуждении возникавших у меня вопросов.

Этот проект начался в Калифорнийском университете в Беркли, и я признательна всем его сотрудникам за огромную поддержку. Члены моего диссертационного совета — Мими Ито, Кори Хайден, Дженна Баррелл и Анно Саксенян — помогли реализовать мои идеи в достаточно хорошем тексте (я честно заслужила свой леденец). Их помощь была особенно важна после того, как мой любимый консультант Питер Лаймен скончался от смертельной болезни. Я благодарна за содействие всей Школе инфор-

мационных технологий (особенно Марку Дэвису и Нэнси Ван Хаус).

После защиты диссертации и присуждения мне степени доктора философии (PhD) я начала новое полевое исследование совместно с лучшей из своих коллег — Алисой Марвик. Вместе мы проехали по Югу США, разговаривая с подростками и погружаясь в молодежную культуру. Трудно описать, насколько плодотворным оказалось наше сотрудничество. Без блестящих идей Алисы вряд ли появились бы главы книги, посвященные приватности и подростковой травле. Коллега помогла переосмыслить многие из моих первоначальных предположений и подтолкнула к поискам в сфере теории.

Когда началась обработка полученных данных, мои ассистенты по научным исследованиям, в том числе Сэм Джексон, Энн Мюррей, Алекс Левитт, Хизер Кастил и Бенджамин Глисон, помогали мне сохранять организованность и отыскивали необходимую информацию в литературе. Другие терпеливо ждали, пока я приведу в порядок свои мысли, и в случае необходимости оказывали мне поддержку. С помощью коллег из Центра Беркмана по изучению интернета и общества при Гарвардском университете, предоставивших мне возможность использовать структуру книжного клуба, я не сбилась с пути. Я искренне благодарна Джудит Донат, Эстер Харгиттай, Колину Маклаю, Доку Сирлзу, Дэвиду Уайнбергеру и Этану Цукерману, которые были рядом в часы горя и радости.

Дори Шаффрир помогла мне преобразовать диссертационный язык в язык научной книги и реорганизовать материал. Когда я запуталась в разрозненных отрывках, вмешалась Куинн Нортон. Она стала моим литературным тренером и редактором-повелителем, содействуя превращению моих довольно беспорядочных в то время мыслей в письменную речь, которая, возможно, покажется кому-нибудь интересной. Кейт Милтнер помогла мне с аргументацией и избавлением от пробелов в логике изложения.

Когда я обратилась к друзьям и коллегам с просьбой об отзывах на рукопись, то была поражена тем, с какой готовностью они прочитали ее и высказали критические замечания. Я хотела бы выразить огромную признатель-

ность за ценные отзывы, которые поступали мне на разных этапах работы, Марку Аккерману, Ронену Барзелю, Джеффу Боукеру, Джену Джеку Гизекингу, Элизабет Гудмен, Генри Дженкинсу, Джудит Донат, Кэти Дэвидсон, Джесси Дэниелс, Мишель Ибарра, Мими Ито, Налини Котамраджу, Бет Коулмен, Айри Лампинен, Аманде Ленхарт, Джессике Лингель, Иден Литт, Алисе Марвик, Мэри Мэдден, Джону Палфри, Си Джею Паско, Джиллиан Пауэрс, Адриен Рассел, Ханне Роде, Кристо Симсу, Ти Элю Тейлору, Дэвиду Уайнбергеру, Меган Финн, Жермен Халегуа, Эстер Харгиттай, Берни Хогану, Этану Цукерману, Элизабет Черчилль, Клею Ширки, Джейсону Шульцу, Николь Эллисон и Сарите Ярди. Высказанные ими идеи, замечания и предложения позволили улучшить эту книгу.

На протяжении всего этого путешествия мои действия направляли редакторы из издательства Yale University Press Элисон Маккин и Джо Каламия. Благодаря их поддержке хаотические наброски превратились в логически последовательное изложение. Без команды издательства отрывки в формате Word никогда не стали бы частями настоящей книги. Мои агенты из компании ICM Кейт Ли, а затем Кристина Даль и сотрудники Leigh Bureau, особенно Уэс Нефф, помогли мне «говорить громче» и представить, как эта книга достигнет своей аудитории.

Если немного отвлечься от работы над книгой, то я должна упомянуть, что мне посчастливилось познакомиться и общаться с целым рядом наставников, оказавших мне неоценимую интеллектуальную помощь и содействие в определении стратегии. В особенности я благодарна Энди ван Даму, Джудит Донат, Генри Дженкинсу, Женевиэве Белл, Мими Ито, Питеру Лаймену, Джону Палфри и Дженнифер Чайес за их советы и поддержку. Я признательна Мими Ито, которая поддерживала меня на каждом этапе этого проекта, и моему любимому консультанту Питеру, сделавшему на меня ставку. Вне академических кругов у меня было много наставников, руководителей и сторонников, открывших передо мной двери отрасли и оказавших помощь в понимании технической стороны социальных средств коммуникации. Я особенно благодарна Тому Андерсону, Адаму Босуорту, Джеф-

фу Вайнеру, Брэдли Горовицу, Кори Доктороу, Джои Ито, Крейгу Ньюмарку, Тиму О'Рейлли, Рею Оззи, Марку Пинкусу, Иену Роджерсу, Линде Стоун, Эвану Уильямсу, Катерине Фейк, Риду Хоффману и Лили Чэн.

После окончания магистратуры мне посчастливилось найти интеллектуальное пристанище в исследовательском подразделении корпорации Microsoft (MSR). Здесь я была окружена феноменальными учеными, научившими меня мыслить фундаментально. Я хотела бы выразить искреннюю признательность за сотрудничество и советы Алисе Марвик, Майку Ананни, Андресу Монрой-Эрнандесу, Меган Финн, Нэнси Байм, Кейт Кроуфорд и Мэри Грей, а также множеству замечательных стажеров и гостей. Я благодарна всем тем, кто посещал MSR, чтобы помочь мне и остальным членам группы социальных медиа. Я искренне признательна математикам и специалистам в области теории вычислительных систем, приветствовавшим меня с распростертыми объятиями. Благодарность ко мне Дженнифер Чайес, Кристиана Боргса и Рика Рашида превзошла всякие ожидания. Подразделение MSR стало моим домом, лучшим местом для проведения исследований. Благодаря его сотрудникам я поняла, что построение здорового интеллектуального сообщества в огромной степени способствует инновациям и критическому мышлению.

За прошедшие годы мне посчастливилось включиться во множество профессиональных сетей, которые обогащали и поддерживали меня самыми разными способами. Конференции, семинары, книжные клубы и салоны, знакомства с учеными способствовали расширению моих знаний и лучшему пониманию проблем. Я очень-очень признательна бесчисленным не названным здесь друзьям, ученым, коллегам, поддерживавшим меня и высказывавшим критические замечания на протяжении многих лет. Без их любви, содействия и шуток я не смогла бы завершить свое исследование.

Этот проект было бы невозможно без сотен подростков, которые нашли время для разговоров со мной и ответов на вопросы. Я благодарна их родителям, согласившимся на наши встречи, а также учителям, библиотека-

рям, представителям духовенства, координаторам внеклассных мероприятий, членам общин, представлявшим меня юношам и девушкам. Я не имею права поименно назвать всех этих замечательных людей, чтобы не нарушить анонимность юношей и девушек, согласившихся на интервью. Но я глубоко благодарна каждому из них за то, что благодаря их содействию я могла продолжать исследование. Я признательна создателям технологий и инженерам, которые помогли мне получить доступ к данным или познакомили меня с практиками пользователей. Их точка зрения, возможно, не всегда хорошо просматривается в книге, но она помогла мне лучше понять методы действий подростков в социальных сетях.

Я никогда не смогла бы завершить этот масштабный и продолжительный проект без поддержки моей семьи. Я бесконечно благодарна моей матери Кэтрин, всегда готовой поддержать меня даже тогда, когда я задерживалась в школе дольше, чем мама считала необходимым. Я признательна моему брату Райану, делавшему большие глаза при виде безумия старшей сестры, что всегда вызывало у меня улыбку. Я навсегда в долгу перед моими двоюродными братом и сестрой Тревором и Джулией, уверявшими всех, что я в порядке, даже если это грозило неприятностями им самим. Я глубоко признательна моему дедушке Дику и бабушке Рите. Их поддержка — постоянный источник вдохновения для меня.

Последнее — и самое главное. На протяжении всей работы над книгой у меня был самый лучший партнер, который всегда вставал на мою сторону. Примерно в середине исследования, которое легло в основу моей диссертации, я встретила родственную душу. Гилад составлял мне компанию в поездках по миру, успокаивал меня и задавал неожиданные вопросы о моей необычной стране. Он поддерживал меня, что бы ни случилось, способами, которые я даже не могу описать. Я заканчиваю работу над книгой и одновременно вынашиваю нашего ребенка. Мы вместе с нетерпением ждем того момента, когда в недалеком будущем Зив начнет знакомиться с множеством новых технологий.

ВВЕДЕНИЕ

Оказавшись сентябрьским вечером 2010 г. в Нэшвилле (штат Теннесси) на трибуне школьного стадиона, где проходил матч по американскому футболу, я испытала острый приступ дежавю. В середине 1990-х годов вместе с другими участниками марширующего оркестра нашей школы мы провели бесчисленное количество пятничных вечеров на стадионах центральной Пенсильвании, поддерживая нашу футбольную команду. Но для меня это была возможность пообщаться с друзьями. Картина, открывшаяся мне на стадионе в Нэшвилле, почти не отличалась от того, что я видела два десятилетия назад, когда сама была школьницей. Представьте себе типичный американский вечер, мгновенно вернувший меня в юность. Я ничего не могла с собой поделаться, разве что позволила себе ироничную улыбку, так как прекрасно помнила, что мне еще предстоит разговоры с подростками о влиянии технологий на их жизнь. Сидя на трибуне, я думала: чем заметнее внешние перемены, тем более постоянной кажется природа вещей.

Мне вспомнился разговор со Стэном, состоявшийся за три года до этого в Айове. По словам молодого человека, я напрасно стремилась найти различия. «Вы будете удивлены, насколько мало все изменилось. Играется одна и та же пьеса, только в немного другом формате. Текст набран другим шрифтом и иной цвет фона, не более того». Стэн сослался именно на технологический момент, чтобы подчеркнуть, что технологии ничего, по сути, не меняют.

Вернемся в Нэшвилл. Группа поддержки скандировала: «За-щи-та!» и размахивала в такт своими цветастыми помпонами, а в это время дорожка стадиона начала заполняться юношами в смокингах и девушками в вечерних платьях. До перерыва между таймами оставалось совсем немного. После футбольного матча в школе был назначен выпускной вечер. Его участники должны были появиться при полном параде перед зрителями и жюри, прежде чем ведущий объявит имена короля и королевы бала. Жюри состояло из восьми девушек и восьми юно-

шей; половина его членов были белыми, половина — темнокожими. Я обратила внимание, что в жюри не было ни азиатов, ни латиноамериканцев, хотя статистически состав города быстро менялся. Ведущий церемонии представил аудитории каждого члена жюри, делая акцент на их внешкольной деятельности, участии в жизни местных церквей и мечтах о будущем.

Между тем большая часть школьников находилась на трибунах стадиона. Цвета их одежды соответствовали цветам школы; многие разрисовали себе лица. Но зрители почти не обращали внимания на происходящее на поле. На время короткой речи, посвященной представлению жюри выпускного бала, на трибунах установилась тишина, а затем юноши и девушки вернулись к разговорам друг с другом. Они болтали между собой, получая удовольствие от редкой возможности провести время в неформальной обстановке с друзьями и сверстниками.

Как и в большинстве школ, в которых мне довелось побывать, в Нэшвилле дружеские отношения между учениками определялись в первую очередь их расовой и гендерной принадлежностью, сексуальностью и возрастом. Все эти связи проявлялись весьма наглядно — достаточно было проследить, с кем разговаривают школьники или где они сидят. В основном они занимали трибуны секторов, расположенных вдаль от центральной линии поля, в то время как родители и более серьезные болельщики заняли места в центре. Большинство школьников на трибунах были белыми и группировались в зависимости от того, в каких классах они учились: места, находившиеся ближе к полю, были заняты самыми старшими, а все остальные сели выше. Парочки школьников встречались довольно редко, но те немногие, кого я заметила, держались за руки. Подростки, роившиеся внизу и справа от трибун, представляли другую часть школы. В отличие от их сверстников на трибунах, большинство учеников, толпившихся внизу, были темнокожими. Кроме жюри выпускного бала, только одна группа юношей и девушек состояла из представителей разных рас; общими их чертами были артистический облик и наряды — волосы, окрашенные в неестественные цвета, пирсинг, черная одежда. В ней

я распознала товары, которыми торгует популярная розничная сеть Hot Topic, ориентированная на готов, панков и представителей других субкультур.

О том, что на дворе 2010 г., свидетельствовали только две вещи — внешний вид школьников и мобильные телефоны. Ушли вдохновленные восьмидесятыми годами прошлого века челки и химические завивки, немыслимые без обильного использования гелей и лака для волос, — именно такие прически преобладали в моей средней школе в 1990-е годы. И конечно же, в отличие от 1994 г. (мой год выпуска), у всех зрителей были мобильные телефоны. Насколько я могла судить, присутствовавшие в тот день на стадионе в Нэшвилле подростки пользовались либо iPhone, либо Blackberry, либо другими первоклассными смартфонами (в школе учились в основном выходцы из семей, принадлежавших к верхушке среднего класса). Во многих случаях в руках у белых школьников я видела смартфоны более дорогие или более престижных марок, чем у темнокожих.

Тому, что у подавляющего большинства зрителей на трибунах (если не у всех) были мобильные телефоны, не приходится удивляться: в 2010 г. мобильники имелись свыше чем у 80% учащихся американских средних школ¹. Меня поразило другое (большинство взрослых, наверное, разделят мое удивление): то, насколько редко подростки использовали свои устройства как собственно телефоны. Молодые люди, за которыми я наблюдала, совсем не делали звонков. Очень многие достали свои мобильники, чтобы сфотографировать жюри выпускного бала. Не меньшее число подростков быстро набирали текстовые сообщения, пытаясь найти своих друзей, затерявшихся в толпе. Как только цель была достигнута, обмен текстовыми сообщениями в большинстве случаев прекращался. Иногда, когда школьникам приходилось отвечать на звонки, я слышала раздраженное: «Да, мама!» или «Да, папа!» Я понимала, что родители делали проверочные звонки, воспринимавшиеся подростками как неуместное втор-

¹ Lenhart, Ling, Campbell, Purcell. Teens and Mobile Phones. [Полные библиографические описания источников см. в разделе «Библиография» в конце книги. — Примеч. ред.]

жение. Несмотря на то что школьники часто отправляли и получали текстовые сообщения, это не было их основным занятием. Доставая телефоны, они часто показывали изображение на экране своему соседу, вместе читали что-то или смотрели на экран.

Родители учеников, находившиеся на трибунах школьного стадиона, уделяли своим мобильным устройствам гораздо больше внимания. Они намного чаще, чем дети, держали в руках смартфоны и были всецело поглощены ими. Не знаю, проверяли ли они почту или просто, скучая на игре, дополняли события на футбольном поле какой-то другой информацией. Но многие из них внимательно всматривались в экраны своих телефонов, отвлекаясь на футбол, лишь когда игрокам удавалось сделать тачдаун. В отличие от подростков, взрослые не фотографировали и ничего не показывали на своих устройствах соседям.

Многие родители, с которыми я встречалась, выражали недовольство тем, что их дети излишне увлечены своими телефонами. Но в Нэшвилле подростки использовали их в основном как шикарные фотоаппараты или для координации своих действий с товарищами. Причина очевидна: друзья были совсем рядом, а больше юноши и девушки ни в чем не нуждались.

Я приехала в Нэшвилл, чтобы лучше понять, как социальные медиа (средства коммуникации) и другие технологии изменили жизнь подростков. Я была зачарована новыми коммуникационными и информационными технологиями, созданными в то время, когда я училась в средней школе. Думаю, я имею право сказать, что принадлежу к той части своего поколения, чьи подростковые годы прошли за экранами компьютеров и в интернете. Однако прошлое значительно отличалось от теперешнего времени в том отношении, что в начале 1990-х годов немногие из моих друзей интересовались компьютерами. Да и мой интерес к интернету был вызван в первую очередь разочарованием в окружающем. Интернет открыл для меня огромный мир, населенный людьми, разделявшими мои интересы и готовыми обсуждать их в любое время дня и ночи. В мое время выход в интернет (или «подключение») был механизмом спасения, эскапизма — и я отчаянно хотела спастись.

Что касается современных подростков, то популярные социальные средства коммуникации, например Facebook и Twitter, и мобильные технологии, такие как приложения или сервисы обмена текстовыми сообщениями, привлекают их по совершенно другим причинам. В отличие от меня и других «молодых да ранних», стремившихся заменить общение с теми, кто нас окружал, болтовней в чатах или на «стенах» электронных досок объявлений, большинство молодых людей идут в интернет, чтобы связаться с людьми из своего круга общения. Их присутствие в киберпространстве никак не назовешь эксцентричным; оно абсолютно нормально, даже ожидаемо.

На следующий день после футбольного матча в Нэшвилле я брала интервью у девушки, которая тоже была накануне на стадионе. Мы сидели рядом и просматривали ее страницу в Facebook, где были размещены фотографии, сделанные во время игры. По словам моей собеседницы, во время матча она совсем не вспоминала об этой социальной сети, но, придя домой, выложила на свою страницу фотографии, пометила на них друзей и начала комментировать снимки, сделанные другими. Обновления статуса, которые я видела на странице девушки, были заполнены отсылками к разговорам, которые велись во время матча. Она использовала Facebook, чтобы усилить удовольствие, полученное от общения с одноклассниками. Когда матч кончился, девушка больше не могла лично общаться с друзьями, но благодаря социальной сети она оставалась на связи с ними даже после того, как трибуны стадиона окончательно опустели.

Социальные медиа играют важнейшую роль в жизни подростков, объединенных в сети. Несмотря на технологические различия, в совокупности эти средства коммуникации предоставляют молодежи пространство для общения и возможность поддерживать контакты с друзьями. В некоторых случаях сетевые взаимодействия подростков дополняют или расширяют их личное общение. В 2006 г., когда социальная сеть MySpace находилась на пике популярности, 18-летняя Скайлер заявила матери, что участие в этой сети имеет огромное значение для ее жизни. По словам девушки, «если тебя нет в MySpace,

ты не существуешь». Говоря это, Скайлер просто имела в виду, что общественное признание зависит от способности общаться с ровесниками в крутом месте. Каждая подростковая когорта считает крутым какое-то свое место, не такое, как у других возрастных групп. Когда-то подобным пространством были торговые центры, а для героев этой книги *крутыми* являются сайты социальных сетей, таких как Facebook, Twitter и Instagram. Не сомневаюсь, что ко времени публикации книги умами следующего поколения подростков завладеют новые приложения и инструменты, а сайты популярных ныне соцсетей отойдут на второй план. Да, могут возникнуть новые пространства, но организационные принципы останутся неизменными.

Некоторые подростки все еще тусуются в торговых центрах и собираются на футбольных матчах. Однако появление социальных медиа привело к реальным изменениям в общем ландшафте. Перед молодыми людьми открылась возможность организовывать новые крутые пространства, никуда при этом не перемещаясь. Под воздействием целого комплекса социальных и культурных факторов социальные средства коммуникации превратились в важное публичное пространство, благодаря которому подростки могут собираться и неформально общаться со сверстниками. Социальные медиа позволили молодежи участвовать в создании того, что я называю *сетевыми публичными кругами общения* или *сетевыми паббликами* (networked publics).

В этой книге я рассказываю, опираясь на данные полевого исследования, как и почему социальные медиа оказались в центре внимания столь многих американских подростков и как они направляют развитие сетевых паббликов, формирующихся благодаря этим технологиям².

² В книге используются данные, собранные в США, и все отсылки к культурному контексту предполагают американскую культуру. Несмотря на то что многие из моих доводов справедливы и для других стран, я даже не пыталась рассуждать об иностранных культурных практиках, нормах или установках. Сетевые практики молодых людей в других культурных контекстах изучались многими учеными. Достаточно упомянуть книги Сони Ливингстон (*Livingstone. Children and the Internet*), Густаво Меша и Илана Талмуда (*Mesch, Talmud. Wired Youth...*), Криса Дэвиса и Ребекки Эйнон (*Davies, Eynon. Teenagers and Technology*). Кро-

Я описываю тревоги многих взрослых американцев по поводу присутствия подростков в социальных сетях, а также выражаю сомнения в обоснованности этих тревог. Иллюстрируя молодежные практики, привычки и разногласия, возникающие между подростками и взрослыми, я пытаюсь пролить свет на то, чем живут в сетях современные юноши и девушки.

ЧТО ТАКОЕ СОЦИАЛЬНЫЕ МЕДИА?

За последние немногим более десяти лет социальные медиа из беспорядочного сочетания технологий, разобраться в которых могли лишь посвященные, превратились в совокупность сайтов и сервисов, выполняющих функцию «сердца» современной культуры. Теперь социализация подростков, обмен слухами и информацией, а также общение происходят с помощью разнообразных популярных сервисов. Хотя эта книга посвящена сетевым технологиям — включая в первую очередь интернет в широком смысле и мобильные услуги, такие как обмен СМС-сообщениями, — в ней подробно рассматривается совокупность сервисов, получившая известность как социальные медиа. Я использую понятие *социальные медиа (социальные средства коммуникации)* для обозначения сайтов и сервисов, созданных и развивавшихся в начале 2000-х годов, включая сайты социальных сетей, сайты видеохостинга (позволяют загружать и просматривать видеозаписи или трансляции в браузере, например через специальный проигрыватель), платформы ведения блогов (сетевых дневников) и микроблогов, а также связанные с ними инструменты, с помощью которых участники создают собственные информационные и развлекательные материалы и делятся ими. Помимо различных коммуникационных инструментов и платформ, понятие «социальные медиа» включает культурный тип мышления, сформировавшийся в середине 2000-х годов

ме того, руководители общеевропейского проекта EU Kids Online Соня Ливингстон и Лесли Хаддон создали в Европе крупную исследовательскую сеть для изучения интернет-практик детей. Участники проекта опубликовали большое количество отчетов, журнальных статей и научных изданий. С дополнительной информацией можно познакомиться на сайте: <<http://www2.lse.ac.uk/media@lse/research/EUKidsOnline>>.

как часть технического и делового феномена, который стали называть «Веб 2.0»³.

Сервисы, известные как социальные медиа, — не первые и не единственные инструменты, используемые для важных социальных взаимодействий подростков или для их общения и участия в значимых интернет-сообществах. Молодые люди по-прежнему пользуются подрастерявшими былую популярность инструментами, такими как электронная почта, системы мгновенного обмена сообщениями и интернет-форумы. Однако как культурное явление социальные медиа придали новую форму информационной и коммуникационной экосистеме.

В 1980–1990-х годах первые пользователи интернета использовали электронную почту и мгновенный обмен сообщениями для коммуникации со знакомыми людьми; для установления контактов и поддержания связи с незнакомцами они обращались к общедоступным сервисам, таким как чаты (обмен сообщениями в реальном времени и дискуссионные группы) и доски объявлений (веб-форумы). Многие участники ранних интернет-сообществ впоследствии подружились с людьми, с которыми они впервые повстречались во Всемирной сети, но большинство первых пользователей вступали в эти пространства, не имея представления о том, кто там находится. Интернет-сообщества формировались по тематическому признаку: создавались отдельные площадки для тех, кто был заинтересован в обсуждении политики стран Ближнего Востока, или в получении медицинских советов, или в поиске ответов на вопросы о том, как работают различные языки программирования, и т.п.

³ Более подробно о месте социальных медиа в «Веб 2.0» вы можете прочитать в моей статье, написанной совместно с Николь Эллисон (*Ellison, Boyd. Sociality Through Social Network Sites*) [о написании имени и фамилии автора данной книги см. примечание в разделе «Библиография». — *Примеч. ред.*]. В ней утверждается, что значение социальных медиа как категории определяется не технологиями, которые маркируются как социальные средства коммуникации, а социотехнической динамикой, набирающей силу по мере того, как миллионы людей принимают комплекс техники и решений, доступных им на некотором отрезке времени, и используют его для совместных действий, обмена информацией и общения.

Начиная примерно с 2003 г., благодаря растущей популярности сетевых дневников (блогов) и сайтов социальных сетей, этот тематически ориентированный ландшафт начинает изменяться. Хотя наиболее известные сервисы ведения блогов помогали людям устанавливать связи друг с другом, исходя из общности интересов, подавляющее большинство авторов вели дневники в расчете на людей, с которыми они уже были знакомы, и, в свою очередь, сами читали блоги знакомых⁴. При запусках первых сайтов социальных сетей (например, Friendster и MySpace) разработчики исходили из того, что они дают пользователям возможность встретиться с новыми людьми (в особенности с друзьями друзей), разделяющими их интересы, вкусы или стремления. Friendster изначально проектировался как сервис для поиска пары. Другими словами, сайты социальных сетей разрабатывались, чтобы *устанавливать* социальные связи. Одной из причин их внезапной популярности было то, что одновременно эти сайты предложили людям платформу для *поддержания* связей со своими друзьями. Вместо того чтобы знакомиться с друзьями друзей, многие первые пользователи просто стали общаться со своими старыми приятелями и приятельницами. На пике популярности основной девиз социальной сети MySpace звучал как «Место для друзей», что абсолютно точно выражало ее значение для многих пользователей.

Сайты социальных сетей изменили сущность интернет-сообществ. Если первые их инструменты, такие как Usenet и доски объявлений, были организованы вокруг

⁴ Во введении к книге «Приглядываясь, участвуя и фанатея» Мими Ито и ее коллеги (включая меня) описывают трения в интернет-взаимодействиях, возникающие между теми, кто «двигаем интересом», и теми, кто «стремится к дружеским отношениям» (*Ito et al. Hanging Out, Messing Around, and Geeking Out*). Мы использовали эти понятия для описания молодежных практик, но аналогичная динамика проявляется и когда речь идет о медиа, рассчитанных на более широкую аудиторию. Сервисы, подобные Facebook, ориентированы на тех, кто стремится к дружеским отношениям, а такие веб-форумы, как 4chan, — на тех, кто заинтересован в чем-либо определенном. В то же время крупнейшие социальные средства коммуникации, в том числе LiveJournal и Tumblr, были приняты и «дружелюбными», и «заинтересованными», вследствие чего на этих сайтах часто возникают разного рода трения между пользователями.

интересов, даже если люди использовали их для встреч с друзьями, то блоги, как и домашние страницы, вращались вокруг индивидов. Ссылки позволяли пользователям выделиться своих друзей и тех, кто имел общие с ними интересы. Сайты социальных сетей уделяли меньшее внимание интересам — их организующим началом стали дружеские отношения.

Первые пользователи довольно долго применяли интернет-технологии для общения с другими людьми, однако в более массовой культуре участие в сообществах, возникавших в киберпространстве, часто рассматривалось как эзотерическая практика для «помешанных на технике» (гиков) и других социальных отщепенцев. К середине 2000-х годов, когда доступ к интернету перестал быть проблемой, а социальные медиа (особенно MySpace, Facebook и Twitter) распространялись все шире, обмен информацией и поддержание связей с друзьями в Сети превратились в неотъемлемую часть повседневной жизни многих людей, особенно подростков, достигших этого возраста в описываемый период. Участие в социальных средствах коммуникации рассматривалось уже не как субкультурная практика, а как норма.

Подростки общались друг с другом самыми разнообразными способами, но их широкое участие в социальных медиа не знает прецедентов. В 2013 г. подростки, пользовавшиеся сетями Facebook, Instagram или Tumblr, в отличие от сверстников, выбравших в начале — середине 2000-х годов сети Xanga, LiveJournal или MySpace, не вызывали ни малейшего удивления. На пике популярности наиболее известные инструменты социальных средств коммуникации не воспринимались как нечто достойное осуждения, а принадлежность к сетям — как признак асоциальных тенденций. Собственно, на протяжении всей этой книги я и показываю, что участие в социальных медиа — такая же часть повседневной жизни, как и просмотр телевизионных передач или разговоры по телефону. По сравнению с моим опытом использования ранних цифровых технологий мир сильно переменялся.

Многие из упоминаемых в этой книге инструментов и сервисов ушли в прошлое, но остаются характеризующие

в ней стержневые виды деятельности: участие в чатах и социализация, попытки самовыражения, усилия, направленные на решение проблемы приватности, обмен сообщениями и информацией. Отдельные сайты и приложения могут непрерывно изменяться, но практики вовлечения молодых людей в сетевые паблики остаются одними и теми же. Новые технологии, а также мобильные приложения изменяют ландшафт, но взаимодействие подростков с социальными медиа посредством телефонов ведет к широкому распространению аналогичных практик и видов деятельности. В данном случае географические границы просто исчезают. Технические изменения, произошедшие с начала моей работы над проектом (и за то время, пока я писала, а вы читали эту книгу), имеют немалое значение. Однако большинство моих доводов, приведенных на последующих страницах, выходят за пределы отдельных технических деталей, даже если примеры, иллюстрирующие рассматриваемые вопросы, относятся к конкретным моментам.

ЗНАЧЕНИЕ СЕТЕВЫХ ПАБЛИКОВ

Подростки страстно желают быстрее найти свое место в обществе. Появление и развитие социальных медиа привело к тому, что в наши дни стремление молодежи устанавливать социальные связи и добиваться самостоятельности выражается в *сетевых публичных кругах общения, сетевых пабликах*. Под сетевыми пабликами мы понимаем публичные круги общения, реструктурированные под воздействием сетевых технологий. Как таковые они одновременно представляют собой (1) пространство, построенное с использованием сетевых технологий, и (2) воображаемую общность, возникшую в результате пересечения людей, технологий и практики⁵.

⁵ Первоначально в 2008 г. Мими Ито использовала понятие *сетевых пабликов*, характеризуя «комплекс взаимосвязанных социальных, культурных и технологических событий, сопровождающих все более сильное вовлечение аудитории цифровыми сетевыми медиа» (Ito. Introduction. P. 2). Я согласна с предложенной формулировкой и считаю, что широкое определение Ито обладает огромной ценностью. В то же время полагаю

Хотя понятие *публичного круга общения* (public) употребляемо и в повседневном языке, этот конструкт (не говоря уже о *паблицах*), как правило, носит в значительной степени академический характер. В этом смысле составляющие публичного круга общения могут варьироваться. Например, под ним может пониматься пространство, где свободно собирается некоторое количество людей. Политолог Бенедикт Андерсон рассматривает публичный круг общения как совокупность людей, воспринимающих себя как часть *воображаемой общности*⁶. Люди участвуют во множестве публичных кругов, рамки которых определяются аудиторией или географическими границами; соответственно, эти круги часто пересекаются и переплетаются друг с другом. Когда президенты США выступают с ежегодными докладами о положении в стране, они обращаются в первую очередь к американской общественности. Однако в наши дни с выступлением президента могут познакомиться граждане всех стран мира. В результате мы никогда не знаем, кто входит в воображаемый президентом США публичный круг.

необходимым, используя эту дефиницию, уточнить ее. Для этого я опиращусь на более широкое представление о публичных кругах общения. Вводя понятие «публичные круги общения», я намеренно ссылаюсь на давнюю традицию научных дебатов и анализа. В данном случае я хотела бы (соглашаясь или подвергая сомнению) отдать должное историческому анализу публичной сферы как категории буржуазного общества, который содержится в книге Юргена Хабермаса «Структурная трансформация публичной сферы» (*Habermas. The Structural Transformation of the Public Sphere*; см. также: *Calhoun. Habermas and the Public Sphere*). В частности, я согласна с Нэнси Фрейзер, утверждающей, что публичные круги общения представляют собой пространства, где вступают в действие идентичности (*Fraser. Rethinking the Public Sphere*), с Майклом Уорнером, настаивающим, что контрпубличные круги общения позволяют маргинальным личностям создавать мощные объединения, противостоящие доминирующим публичным кругам (*Warner. Publics and Counterpublics*), и с Соней Ливингстон, по мнению которой, условием возникновения публичных кругов общения является формирование аудиторий, у участников которых одни и те же представления о мире (*Livingstone. Audiences and Publics*). Теоретические основы моего понимания сетевых пабликов рассматриваются в одной из моих статей (*boyd. Social Network Sites as Networked Publics*).

⁶ *Anderson B. Imagined Communities.*

Участие в публичных кругах общения позволяет достичь разных целей. Они могут быть политическими по своей природе или же определяться общими идентичностями и социальными практиками. Во многих случаях понятие публичного круга основывается на идее общности, контролируемой государством; однако в публичные круги могут входить и частные акторы (например, компании) или коммерческие пространства (например, торговые центры). Поскольку в современные публичные круги вовлечены медиа, рассматриваемое нами понятие пересекается и с идеей аудитории. Все эти конструкты являются довольно расплывчатыми и подвергаются критике со стороны ученых. Используя термин «публичные круги общения», я отнюдь не пытаюсь определить собственную позицию в развернувшейся дискуссии, поскольку это потребовало бы рассмотрения множества взаимосвязанных вопросов, возникающих при применении этого понятия. Публичные круги предоставляют пространство и возможность формирования общности людям, которые хотели бы собраться вместе, установить связи и участвовать в строительстве общества в соответствии со своим пониманием.

Сетевые паблики — это публичные круги как в пространственном смысле, так и в смысле воображаемой общности. Для их создания используются социальные медиа и другие новые технологии. Как пространства, сетевые паблики, существующие благодаря социальным средствам коммуникации, позволяют людям собираться вместе и устанавливать связи, общаться и обмениваться шутками. Сетевые круги образуются благодаря технологии, выполняющей те же функции, которые для предшествующих поколений подростков исполняли торговые центры или парки. Как социальные конструкты, социальные медиа создают сетевые паблики, позволяющие людям воспринимать самих себя как часть более широкой общности. Точно так же как в прошлом просмотр одних и тех же телевизионных передач означал, что подростки могли рассматривать себя как связанных друг с другом посредством средств массовой информации, теперь социальные средства коммуникации позволяют современ-

ной молодежи рассматривать себя как часть воображаемой общности.

Современные подростки участвуют в сетевых публичках ровно по тем же причинам, по которым их сверстники предыдущих поколений участвовали в обычных публичных кругах; они хотят быть частью большого мира, устанавливая связи с другими людьми и сохраняя мобильность. Схожим образом многие взрослые настороженно относятся к сетевым технологиям по тем же причинам, по каким они с подозрением воспринимают участие подростков в публичной жизни и их социализацию в парках, торговых центрах и других местах скопления молодежи. Если бы я должна была сформулировать основной вывод моего исследования, то вот он: социальные медиа, такие как Facebook и Twitter, предлагают подросткам новые возможности участия в публичной жизни, что вызывает самую большую озабоченность у многих обеспокоенных взрослых.

Глубинная структура традиционных публичных пространств и поддерживаемые ими отношения в общем понятны и хорошо изучены, но архитектура сетевых пространств и способы установления в них связей между людьми отличаются. Даже если участвовать в сетевых публичках подростков побуждает желание пообщаться (как в доинтернетную эпоху), сетевые технологии изменяют социальную экосистему, тем самым воздействуя на социальную динамику.

Чтобы отделить новое от уже известного, нам необходимо понять, как технологии открывают новые социальные возможности и почему это ставит под сомнение привычные представления людей о повседневных взаимодействиях. От конструкции и архитектуры внешнего окружения зависит тип взаимодействий. Например, круглый стол с креслами предполагает один тип общения, а расстановка столов и стульев как в школьном классе — совсем другой. Предположим, школьникам разрешили поворачиваться и разговаривать с теми, кому достались места на задних партах. Но проект типичного класса все равно предполагает, что те, кто в нем находится, сидят лицом к учителю. Отдельные свойства или характеристики внеш-

него окружения могут рассматриваться как *интуитивно понятные* (affordance⁷). Они делают возможными практики определенных типов (а в некоторых случаях применяются для того, чтобы подтолкнуть к применению таких практик), даже если интуитивно понятные свойства и не определяют, какие именно методы действий будут использоваться⁸. Осознание интуитивно понятных свойств, воспринимаемого назначения технических устройств, технологий или пространства играет важную роль, так как позволяет установить, можно ли ускорить движение к поставленным целям и есть ли препятствия на этом пути. Например, интуитивно понятно, что толстое стекло в стенном проеме между двумя помещениями позволяет находящимся в них людям видеть друг друга, но не слышать. Чтобы пообщаться, люди, разделенные стеклом, могут обратиться к пантомиме, попробовать обменяться сообщениями, написав их на бумаге, или попытаться разбить стекло. Хотя свойства толстого стекла, закрывающего проем в стене, интуитивно понятны, нельзя предсказать, какой из способов общения выберут люди; тем не менее эти свойства оказывают важное воздействие на ситуацию.

⁷ Термин affordance(s) введен психологом Дж. Дж. Гибсоном (см.: Гибсон Дж. Экологический подход к зрительному восприятию / пер. с англ. Т. М. Сокольской. М.: Прогресс, 1988. С. 13, 188–190, 204–207 и др.); варианты перевода этого термина, встречающиеся в отечественных работах, — «аффордансы», «предоставляемые возможности». — *Примеч. ред.*

⁸ Идея интуитивно понятных свойств (воспринимаемого назначения) подробно рассматривается в книге Дональда Нормана «Дизайн привычных вещей»; автор использовал этот термин, чтобы рассмотреть возможности взаимодействий, возникающие благодаря специфическим проектным решениям (*Norman. The Design of Everyday Things*). Хотя исследователи, изучающие взаимодействие человека и компьютера, заимствовали термин «интуитивно понятные свойства», его регулярно критикуют представители различных важнейших дисциплин. По мнению критиков, во многих случаях его использование означает придание дееспособности (агентности) техническому артефакту и недооценку роли пользователя (см.: *Oliver. Problem with Affordance*). Несмотря на проблемы с использованием этого термина, я рассматриваю его как полезный конструкт, который может применяться при рассмотрении характеристик и свойств, определяющих типы и способы взаимодействия.

Поскольку сетевые паблики создаются и развиваются при посредстве техники и технологий, по своим специфическим характеристикам они отличаются от традиционных (материальных) публичных пространств. Важнейшую роль в формировании среды социальных медиа играют четыре интуитивно понятных свойства. Нельзя сказать, что они новы сами по себе, но совокупность этих качеств сетевых пабликов создает новые возможности и проблемы. Имеются в виду следующие свойства:

- доступность в течение долгого времени — *долговечность* сообщений и контента в целом;
- доступность, *видимость* для аудитории — широта потенциальной аудитории, способной свидетельствовать о появлении контента;
- доступность распространения — *простота* обмена материалами;
- доступность поиска — возможность *легко находить* материалы.

Во многих случаях материалы, распространяемые социальными медиа, надолго остаются в интернете, поскольку технологии таковы, чтобы имелась возможность *длительного существования* контента. Сохранность информационных и других материалов имеет важные последствия. Это их свойство создает условия для асинхронных взаимодействий. Алиса может отправить сообщение Бобу ночью, когда адресат крепко спит; однако оно дождется Боба, когда бы подросток ни решил его открыть (на следующее утро или через три недели, вернувшись из летнего лагеря), — даже если Алиса давно о своем послании забыла. Длительность существования означает, что обмен сообщениями в социальных медиа отнюдь не эфемерен. Она позволяет осуществлять взаимодействия, которые были бы невозможны в парке или торговом центре. Когда Боб прочтет сообщение Алисы, оно никуда не исчезнет, и адресат может хранить его на протяжении десятилетий. Кроме того, долговечность означает, что коммуникации в социальных сетях во многих случаях идут «под запись», причем в беспрецедентной степени.

Социальные медиа позволяют людям легко и просто делиться информацией с широкой аудиторией и получить доступ к материалам, невзирая на расстояния, что означает повышение степени *видимости* любого сообщения. В большинстве случаев все, что люди выкладывают в интернет, используя социальные средства коммуникации, широко доступно, поскольку большинство систем изначально спроектированы так, что предполагают обмен информацией с более многочисленной или более публичной аудиторией. Если пользователи популярных систем хотят ограничить видимость материалов, доступных для всеобщего обозрения, обычно они должны совершить некоторые действия. В физических пространствах, напротив, люди должны целенаправленно прикладывать немалые усилия для того, чтобы их материалы были видны достаточно широкой аудитории⁹. Во многих случаях в сетевых пабликах взаимодействие по умолчанию носит публичный характер, а для достижения приватности необходимы осознанные усилия.

При проектировании многих социальных медиа разработчики стремятся облегчить пользователям обмен информацией, явным или неявным образом поощряя их делиться ссылками, предоставляя возможность блогерам копировать и переносить к себе на страницу материалы других пользователей (с указанием авторов), предлагая инструменты повторной публикации (репоста) изображений или текстов, облегчая копирование контента какой-либо веб-страницы и его размещение в другом месте. Таким образом, большая часть интернет-публикаций легко распространяется посредством нажатия нескольких кнопок¹⁰.

⁹ Вопрос о том, как более высокая степень видимости, обеспечиваемой новыми технологиями, изменяет характер наших социальных и политических миров, рассматривается в работе Джона Томпсона (*Thompson. New Visibility*).

¹⁰ Использованию новых технологий людьми, заинтересованными в распространении контента в интернете, посвящена книга Генри Дженкинса, Сэма Форда и Джоша Грина «Растекающиеся медиа», вышедшая в свет в 2013 г. (*Jenkins, Ford, Green. Spreadable Media*). По мнению авторов, возможность беспрепятственно распространять материалы изменяет динамику, которая определяет значимость средств коммуникации.

В некоторых системах для того, чтобы переадресовать контент, сделать репост или поделиться материалами, перенося их в связанные или специально отобранные списки, используются особые кнопки («forward», «repost», «share» соответственно). Иногда встроенные инструменты такого рода отсутствуют, но и такие системы обычно предусматривают возможность простой и легкой загрузки или дублирования информационных материалов и их последующей переадресации. Никогда еще мы не могли столь *просто* делиться информацией и ее источниками в интернете, что открывает самые широкие перспективы и одновременно создает немало проблем. Возможность легко обмениваться информацией может быть использована для объединения людей по политическим мотивам или для распространения слухов.

Наконец, благодаря созданию и развитию поисковых систем, коммуникации между людьми часто оказываются *доступными для поиска*. Моя мама непременно воспользовалась бы командой «Найти!», чтобы узнать о месте нашего сбора с друзьями и о наших разговорах. В наши дни любопытствующий зевака легко сделает запрос в базе данных, и перед ним откроется бесчисленное количество сообщений, написанных для других и другими людьми. Но даже те сообщения, которые изначально были созданы для публичного доступа, отнюдь не обязательно размещались с расчетом на то, что они появятся в поисковых системах. Последние позволяют легко обнаружить взаимодействия, не предназначенные для всеобщего обозрения. Зачастую эти инструменты проектируются с расчетом на устранение контекстуальных сигналов, и вследствие этого повышается вероятность того, что поисковики будут захватывать всё, пренебрегая контекстом.

Ни одна из возможностей, которые предлагают социальные медиа, не нова. У нас в семье хранятся письма дедушек и бабушек, которыми они обменивались в период романтических отношений, — эти письма долговечны. Материалы школьной газеты остаются доступными для чтения в течение довольно долгого времени, так же как,

например, надписи на стенах в туалетах. Слухи и сплетни издавна распространялись со скоростью лесного пожара, хотя передавались только при личном общении. Поисковые системы позволяют более эффективно получать ответы на запросы, но практику вопросов о других людях никак нельзя назвать новой, даже если поисковики обладают уникальным «знанием». Новым является способ, посредством которого эти медиа изменяют и усиливают социальные ситуации, предлагая технические средства, которые могут использоваться людьми в давно известных практиках.

Применение людьми этих разнообразных инструментов порождает новую социальную динамику. Например, подростки могут устроить «слежку», запуская поиск хорошо видимых «долгоживущих» данных о людях, которые им кажутся интересными. Такая «слежка» принимает драматический оборот, когда молодежь способствует повышению доступности сплетен, распространяя их в сетевых пабликах со всей возможной скоростью. Или же подростки стараются привлечь к себе внимание, используя возможности поиска и распространения долго сохраняемого контента, чтобы максимально повысить видимость выкладываемых на YouTube роликов с выступлениями своих любительских музыкальных групп. Поскольку используются онлайн-инструменты, создается впечатление, что нынешние формы социализации юношей и девушек принципиально отличаются от прежних, хотя ее глубинные мотивы, как и сами социальные процессы, ничуть не изменились.

Способность подростков манипулировать социальными медиа для привлечения внимания и повышения видимости отнюдь не означает, что у них обширный опыт в данной сфере или что они автоматически приобретают навыки, позволяющие управлять событиями. Подростки всего лишь чувствуют себя в соцсетях комфортнее, чем взрослые (и проявляют меньший скептицизм в отношении этих медиа). Молодые люди даже не пробуют анализировать отличия, обусловленные применением тех или иных технических решений, — они просто пытаются установить связи в публичном мире, воспринимая технологии

как данность. В силу социального положения новизной для подростков обладают не технологические решения, а публичная жизнь, возможность которой они открывают. Подростки отчаянно стремятся получить к ней доступ и найти в ней смысл; они хорошо понимают, что технологические решения позволяют участвовать в публичных кругах общения, и не воспринимают технологии как нечто необычное. Взрослые, напротив, пользуются большей свободой в изучении различных публичных пространств. Имея соответствующее техническое оснащение, они с более высокой вероятностью будут сравнивать сетевые паблики с другими публичными кругами общения. В результате внимание взрослых сосредоточено на поиске радикальных отличий сетевых пабликов от других публичных кругов общения (например, сложившихся в местном баре или вокруг местного прихода). Подростки и взрослые обладают разным опытом и находятся на разных этапах жизни; не удивительно, что их внимание привлекают разные проблемы. Если первые ищут ответ на вопрос, что значит находиться в публичном круге общения, то вторые — что значит быть объединенными в сети.

На протяжении всей книги я возвращаюсь к перечисленным выше четырем интуитивно понятным свойствам, чтобы показать, как участие в сетевых пабликах воздействует на повседневные социальные практики. Важно помнить, что происходящие изменения описывают отнюдь не сами подростки. В большинстве случаев они не знают, чем их собственные сетевые паблики отличаются от других публичных кругов общения, и не имеют представления о том, почему взрослые находят сетевые паблики такими странными. Молодые люди воспринимают эти технологии и их свойства как очевидную часть жизни в сетевую эру. В свою очередь, многие взрослые рассматривают названные нами интуитивно понятные свойства сетевых пабликов как свидетельства изменений, вызывающих немалое замешательство. По мере того как я буду возвращаться к этим вопросам на страницах книги, показывая, что действительно изменилось, а что осталось таким, как прежде, я буду сопоставлять мнения подростков с тревогами взрослых людей.

- бойд, дэна**
Б77 Все сложно. Жизнь подростков в социальных сетях [Текст] / пер. с англ. Ю. Каптуревского; под науч. ред. А. Рябова; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. — 352 с. — (Библиотека журнала «Вопросы образования»). — 1000 экз. — ISBN 978-5-7598-1964-6 (в пер.). — ISBN 978-5-7598-2200-4 (e-book).

Как изменилось общение подростков с появлением Facebook, Twitter и Instagram? Влияют ли социальные сети на качество жизни юношей и девушек? В этой захватывающей книге эксперт по молодежной культуре и технологиям дэна бойд разоблачает самые распространенные мифы о том, к чему приводит использование подростками социальных сетей. В центре ее внимания находятся представления об идентичности, приватности, безопасности, угрозах и школьной травле. бойд приходит к выводу, что общество во многих случаях отталкивает от себя молодежь; патернализм и протекционизм с его стороны, попытки контролировать взаимодействия подростков в интернете не способствуют становлению молодых людей как информированных, думающих и активных граждан. Несмотря на атмосферу страха, многие подростки ведут себя с большим достоинством и находят способы участвовать в общественной жизни. Опираясь на собственный более чем десятилетний опыт и данные, полученные в ходе опросов и интервью с американскими подростками, бойд уверяет, что с детьми все в порядке. В то же время она признает, что в эпоху сетевых технологий примирение с жизнью — не самая простая задача, не имеющая очевидных решений.

Книга адресована родителям, учителям и всем, кто работает с подростками, а также тем, кто интересуется влиянием новых технологий на общество и культуру.

УДК 316.62
ББК 88.50

Научное издание

Библиотека журнала «Вопросы образования»

дэна бойд

ВСЕ СЛОЖНО ЖИЗНЬ ПОДРОСТКОВ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ

Заведующая книжной редакцией

ЕЛЕНА БЕРЕЖНОВА

Редактор

КСЕНИЯ ЗАМАНСКАЯ

Художник

ВАЛЕРИЙ КОРШУНОВ

Верстка

СВЕТЛАНА РОДИОНОВА

Корректор

КСЕНИЯ ЗАМАНСКАЯ

На обложке — фотография *Валерия Коршунова*

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ

«ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ»

101000, Москва, ул. Мясницкая, 20,

тел.: (495) 772-95-90 доб. 15285

Формат 60×90/16. Гарнитура PT Serif

Усл. печ. л. 22,0. Уч.-изд. л. 17,7

Печать офсетная. Тираж 1000 экз.

Изд. № 2269. Заказ №

Отпечатано в АО «ИПК «Чувашия»

428019, г. Чебоксары, пр. И. Яковлева, 13,

тел.: 8 (8352) 56-00-23